

Шлепин Василий Валентинович

семинарист, магистрант

Ярославская Духовная Семинария

Открытый Институт Теологии Славяно-Греко-Латинской Академии

ОПЫТ МОЛИТВЫ В ПРАВОСЛАВИИ И КАТОЛИЦИЗМЕ

«Как бывает правильно поставленный голос, так бывает и правильно поставленная душа», - писал священник Александр Ельчанинов [1, с. 75]. В Православии правильно поставленная душа рождает в себе такой строй, который именуется *радостопечалие*: печаль – потому что есть зрение своих грехов, а радость – потому, что есть изнесение их пред лицо Спасителя [2, с. 295]. Еще характерно Православию умение сопрягать в единое звучание разные и даже как будто взаимоисключающие устроения души – *умиление*. С. Аверинцев это слово перевел на русский язык как «любовь с заплаканным лицом». Преп. Иоанн Лествичник поясняет причину радости молитвенников: если присутствие любимого человека видимо всех нас изменяет и делает веселыми, радостными и беспечальными, – тем более возвеселяет присутствие Небесного Владыки, невидимо сходящего в душу [3, с. 262].

Говоря о картинах, украшающих западные храмы, свт. Игнатий (Брянчанинов) писал: «Живописцы были люди, вполне плотские, не имевшие ни малейшего понятия о духовном, никакого сочувствия к нему и потому не имевшие никакой возможности изобразить человека духовного живописью. Не имея понятия о том, какое положение принимают черты лица углубленного в свою молитву святого мужа, какое положение принимают его глаза, его уста, его руки, все тело его, они сочиняют в невежественном воображении своем произвольную, невежественную мечту» [2, с. 294].

Различие картины и иконы – не просто различие двух художественных школ. В нем сказывается существенное расхождение именно молитвенного опыта. Разница Православия и Католичества – это различное проведение гра-

ницы между душевным и духовным. То, что в Православии есть еще лишь естественное состояние, в католической мистике воспринимается как уже благодатное. Западная картина и восточная икона зримо показывают эту разницу [4]. Отождествление душевного с духовным и есть состояние «мнения», прелести.

Духовные авторитеты Запада настойчиво рекомендуют тот путь духовного делания, который категорически запрещают духовные учителя Востока. Речь идет о том, как должен держать себя человек во время молитвы. Человек может сам спровоцировать в себе такие психические состояния, которые он будет склонен рассматривать как пришедшие к нему извне, как откровение и благодатное посещение. Человек выступает творцом своего религиозного опыта.

Опытным путем Отцы пришли к некоторым конкретным советам, помогающим отличать опыт чисто человеческий от того опыта, в котором человеческое оказывается пронизано Божественным: не заниматься самовозбуждением, не провоцировать в себе какие-либо острые «религиозные» переживания, не искать видений и чудес, держать в узде воображение и поэтому во время молитвы надо строго воздерживаться от того, чтобы представлять себе какие-либо зримые картинки. «Если допустите образы, - предупреждает свт. Феофан Затворник, - то есть опасность начать молиться мечте» [6, с. 25].

При православной молитве не виды, не образы, а смыслы, постигаемые умом и переживаемые сердцем, делаются предметом рассмотрения. Противоположную практику православные подвижники считают крайне опасной. Путь саморазжигающих медитаций и их итог православный мистик преп. Симеон Новый Богослов описывает так: «Он возводит к небу руки, глаза и ум, воображает в уме своем Божественные совещания, небесные блага, чины святых ангелов, селения святых, короче, собирает в воображении своем все, что слышал в Божественном Писании, рассматривает это во время молитвы и всем этим возбуждает душу свою к Божественному желанию и любви, иногда проливает слезы и плачет. Таким образом мало по малу кичится сердце его, и он мнит, что все, совершаемое им, есть плод божественной благодати к его утешению, и мо-

лит Бога, чтобы всегда сподобил его пребыть в этом делании. Это признак прелести» [7, с. 329-330].

Католическая молитва предполагает вызывание в уме и удержание в памяти некоего зримого образа. Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов и почитаемый католический святой, предлагает, например, следующую медитацию: «Представить мысленно огромные языки пламени и души как бы заключенные в раскаленные тела. Услышать упреки, плач и вопли, предание проклятию Иисуса Христа и святых Его. Почувствовать запах дыма, серы, разложения и гнили. Представить, что мы сами осязаем этот огонь. Вспомнить души, пребывающие в аду, благодарить Господа за то, что Он не попустил мне окончить жизнь здесь» [8, с. 39]. Это упражнение рекомендуется делать за час до ужина. Можно представить себя воспринимающим благоухание Девы Марии в раю, поставить себя рядом с апостолами на горе Преображения, представить себя следующим *Via Dolorosa* следом за Христом.

Анджела (скон. в 1309 г.), в католичестве именуемая блаженной, особо остро представляет себе страдания Христа: «Стояла я однажды на молитве, и Христос показал мне Себя наяву яснее. И тогда позвал Он меня и сказал мне, чтобы я приложила уста к ране на боку Его. И мне казалось, что я приложила уста и пила Его кровь, истекающую из бока Его и давалось мне понять, что этим Он очищает меня. И с этих пор начала я испытывать великое утешение, хотя от созерцания страстей Его испытывала печаль» [9, с. 75-76]. «Однажды взирала я на крест с Распятием на нем и, когда взирала я на Распятого телесными очами, вдруг зажглась душа моя такою пламенною любовью, что даже члены моего тела чувствовали ее с великою радостью и наслаждением. Видела же я и чувствовала, что Христос обнимает душу мою рукою, которая пригвождена была ко кресту, и радовалась я величайшею радостью... И иногда от теснейшего этого объятия кажется душе, что входит она в бок Христов» [9, с. 150-151].

Интенсивность такого рода созерцаний такова, что, например, мистический собеседник Анджелы говорит ей: «Был Я с апостолами и видели они Меня очами телесными, но не чувствовали Меня так, как чувствуешь ты» [9, с. 96].

Сама же Андже́ла убеждена, что столь живо переживает картины Страстей, проходящие перед ее глазами, что даже Дева Мария, стоявшая у креста своего Сына, не могла бы рассказать о них подробнее ее самой [9, с. 135].

Вот характерный пример с Терезой Авильской. «Часто Христос мне говорит: Отныне Я – твой и ты – Моя. Эти ласки Бога моего погружают меня в несказанное смущение. В них боль и наслаждение вместе. Это рана сладчайшая... Я увидела маленького Ангела. Длинное золотое копье с железным наконечником и небольшим на нем пламенем было в руке его, и он вонзал его иногда в сердце мое и во внутренности, а когда вынимал из них, то мне казалось, что с копьем вырывает он и внутренности мои. Боль от этой раны была так сильна, что я стонала, но и наслаждение было так сильно, что я не могла желать, чтобы окончилась эта боль. Чем глубже входило копье во внутренности мои, тем больше росла эта мука, тем была она сладостнее» [10, с. 72-75].

Приводя эти откровения Терезы, Д. Мережковский комментирует: «Если бы нечестивая, но опытная в любви женщина увидела Терезу в эту минуту, то поняла бы, или ей казалось бы, что она понимает, что все это значит и только удивилась бы, что с Терезой нет мужчины». Если переживание Терезы воспринимать как религиозное – то к нему придется приложить известное православной мистике состояние «блудной прелести» [4]. А. Ф. Лосев писал: «Блаженная Андже́ла находится в сладкой истоме, не может найти себе места от любовных томлений, крест Христов представляется ей брачным ложем» [4].

Православная молитва пребывает в верхней части сердца. Католическая эротомания связана, по-видимому, с насильственным возбуждением и разгорячением нижней части сердца. «Старающийся привести в движение и разгорячить нижнюю часть сердца приводит в движение силу вожделения, которая, по близости к ней половых органов, приводит в движение эти части. Какое странное явление! По-видимому, подвижник занимается молитвой, а занятие порождает похотение, которое должно было бы умерщвляться занятием», – приводит А. Лосев в заключение слова св. Игнатия Брянчанинова [5, с. 868-869].

Франциск Ассизский мог спокойно ощущать себя страдающим вместе с Иисусом за чужие грехи, спокойно говорить, что «я не сознаю за собою никакого прегрешения, которое я не искупил бы исповедью и покаянием», и даже в видении представлять себя рядом со Христом в виде двух столпов света [4]. Св. Метхильда верила, что «она не нуждалась в замаливании своих грехов и в добрых делах. Огонь мистического экстаза охватил ее. Пепел спал, и предстала она пред Женихом чистою и сияющей, как вышедшее из огня золото. Сам Христос исполнил за нее добрые дела. Поэтому Метхильда готова была умереть и без исповеди: нужно ли каяться святой, нужно ли чистить сияющее золото?» [11, с. 12-13].

Преп. Серафим Саровский говорит: «При нашествии Духа надлежит быть в полном трезвении и души и тела и в целомудренной чистоте плоти». Не случайно в своем разборе «Подражания Христу» Фомы Кемпийского Игнатий Брянчанинов говорит: «Нельзя кокетничать с Богом» [12, с. 255].

В заключение следует выделить принципиальные моменты, по которым католическое учение о молитве отличается от православного:

1. Любовное подражание Христу [13]. У католиков это выражено в чувственной любви, не свободной от страстей. При этом Христос часто называется Супругом со всеми вытекающими из этого последствиями. Поэтому сами католики используют термин «терзание». В Православии речь идет только о духовной любви к Богу, когда Христос является Женихом христианской души.

2. Отсутствие чувства покаяния. Католики предпочитают молиться за других и их прощать, чем видеть собственные согрешения и ощущать необходимость в постоянном покаянии. В Православии чувство покаяния укоренено очень глубоко и молитва в первую очередь носит покаянный характер.

3. Католики часто жаждут сострадать Христу, что доходит у них до искусственно вызванных стигматов, вызванных разгоряченным воображением. В Православии молитва безобразна, чтобы исключить возможность прелести. Каждый православный христианин несет по жизни свой собственный крест, но нести его может лишь с помощью Божией благодати, поэтому, ощущая свою

немошь и греховность, постоянно нуждается в помощи Божией и в Спасителе - Иисусе Христе.

4. Католики не гнушаются медитацией, которую сравнивают с богомыслием. Даже Иисусова молитва для них является медитацией, что совсем не соответствует ее смыслу. В Православии медитация строго запрещена, так как ведет к соприкосновению с бесовскими силами.

Литература:

1. Ельчанинов Александр, свящ. Записи. Париж, 1962.
2. Игнатий (Брянчанинов), свт. Понятие о ереси и расколе // Богословские труды. Вып. 32, М., 1996.
3. Иоанн Лествичник, преп. Лествица. Сергиев Посад, 1908.
4. Кураев Андрей. Вызов экуменизма [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://azbyka.ru/religii/Kuraev_vyzov_ekumenizma01-all.shtml
5. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930.
6. Феофан Затворник, свт. Собрание писем. Вып. 7. М., 1994.
7. Добротолюбие, т. 5. М., 1895.
8. Игнатий Лойола. Духовные упражнения // Символ. - № 26.
9. Откровения бл. Анджелы. Перевод и вступительная статья проф. Л. П. Карсавина. М., 1918.
10. Мережковский Д. С. Испанские мистики. Брюссель, 1988.
11. Карсавин Л. П. Малые произведения. Спб., 1994.
12. Игнатий Брянчанинов, свт. Аскетические опыты. Т. 1. М., 1993.
13. Жак Лев. Великие учителя молитвы. Перевод с франц. Брюссель: Жизнь с Богом, 1986.